

ЗАГРАНИЧНАЯ
ОКРОШКА

Для «крестного отца» музыки «соул» Джеймса Брауна пришло время платить по счетам. Связанный контрактом с театром «Аполло», Браун попал в тюрьму за разбой с применением оружия, где провел 26 месяцев. Этот «проступок» певца обошелся гарлемской фирме в миллионы долларов убытка. Чтобы расплатиться с кредиторами, 10 июня состоялось грандиозное шоу вышедшего недавно на свободу Брауна, от которого сам певец не получил ни цента. Буч Люис, которому принадлежат права на кабельные трансляции концертов Джеймса Брауна, заявил, что все деньги от продажи билетов и телетрансляций его фирма будет получать до тех пор, пока не рассчитается с долгами.

По адресу Синг стрит, 33, в Дублине открыт музей Бернарда Шоу. Драматург прожил в этом доме десять лет со дня своего рождения в 1856 году. На торжественном открытии музея присутствовала президент Ирландии Мэри Робинсон.

Композитор Джан Карло Менотти, 15 лет назад организовавший в США фестиваль Сполето в городе Чарльстон (Южная Каролина), уже второй раз за этот год предупредил организаторов фестиваля, что оставит пост художественного руководителя из-за «постоянной дискредитации его авторитета главным менеджером фестиваля Нигелем Риделем». «Один Бог знает, нужен ли я этому фестивалю, но то, что мне не нужен этот фестиваль, — это точно», — сказал Менотти, которому в июле исполняется 80 лет.

Громкий судебный процесс между Элизабет Тейлор и журналом «National enquirer», опубликовавшим в июле прошлого года скандальную информацию о наличии у кинозвезды вируса СПИД, закончен. В совместном заявлении был отмечено, что материал был опубликован из добрых побуждений, но, к величайшему сожалению редакции, был основан на непроверенных данных. Журнал принес Элизабет Тейлор свои извинения и выплатил кинозвезде денежную компенсацию. О сумме компенсации умалчивается.

ДВА ВЗГЛЯДА НА ОДИН ФИЛЬМ

Франческа Аркибуджи. 29 лет, два полнометражных и пять короткометражных фильмов, дочь трех лет, муж — джазовый музыкант. Ее первый фильм «Миньон уехала» два года назад прошел с большим успехом на экранах Италии. У Франчески приятная улыбка и живой взгляд. Сегодня, в 91-м, она, безусловно, более спокойная и раскованная, чем тринадцать лет назад, когда впервые снялась на телевидении у Джанни Амико в экранизации романа Гете «Приблизительное сродство». «Многие переоценивают мой опыт актрисы, который сводится всего к трем годам, — рассказывает Франческа Аркибуджи. — Я влюбилась в кино во время съемок «Приблизительного сродства». Даже не в само кино, а в то, как оно снимается. В детстве мне больше нравился театр, а в кино ходила с друзьями, чтобы развлечься. Окончив школу, поступила на режиссерский курс Экспериментального Центра Кинематографии». Сама она считает, что опыт отрочества и юности очень важен для нее. Именно поэтому так значительны нежные поэтические акценты в ее «взрослых» фильмах. «Миньон уехала» — это картина очень грустная. Героиня фильма, пятнадцатилетняя Миньон, говорит: «Никто никого не любит». В конце картины все герои остаются в таком же одиночестве, как и в начале. Ее короткометражные картины с большим скрипом выходили на экран. «Условный рефлекс» рассказывает о любви мальчика к женщине, которая к концу фильма оказывается мужчиной. Следующий, сделанный для сериала «Страсть моя» Моника Витти, был некоторое время запрещен для показа по тем же при-

Франческа
АРКИБУДЖИ,
режиссер:

чинам, что и «Условный рефлекс», с той только разницей, что в фильме речь шла о лесбийской любви.

— Когда я поступила в Центр, то думала, что стану режиссером-экспериментатором, мне и в голову не приходило, что буду снимать «нормальное» кино. Позже я заметила, что больше всего мне нравится рассказывать истории. Не обязательно автобиографические, как думают многие. Повествование от первого лица имеет, на мой взгляд, особенное очарование, но я не всегда чувствую себя способной заниматься этим. Трюффо, вот режиссер, который, даже рассказывая о собственном детстве, остается объективным в отличие от Годарса, чье «я» ощущается в каждом кадре его фильмов. Мне нравятся фильмы, во время которых я забываю, что я в кино.

Быть может, «К вечеру» обозначает еще один поворот в кинематографическом маршруте Франчески Аркибуджи.

— Сценарий, который я написала, был основан на моих воспоминаниях и ощущениях конца семидесятых годов. Мне казалось, что я смогу просто и натуралистически отразить столкновение между традиционной и альтернативной частями «левых». Потом я поняла, что вопросы, которые я пытаюсь поставить, гораздо сложнее, чем мне казалось сначала, и фильм из политико-идеологического как-то незаметно превратился в историю любви, а точнее нелюбви. И последнее. Несмотря на то, что сценарий написан по моим воспоминаниям, в профессоре Бруски я вижу гораздо больше собственных черт, чем в героине фильма Снелле.

ПРИБЫЧНАЯ сигарета, изрезанное морщинами лицо, свободный и несколько яркий костюм: Мastroянини в жизни совсем не похож на героя своего последнего фильма «К вечеру», снятого молодым режиссером Франческой Аркибуджи. Главный герой фильма — пожилой профессор-коммунист, всего себя отдающий науке и мечте о справедливом и равноправном устройстве государства. Но заняться практической деятельностью на этом поприще ему мешает собственная неуравновешенная жизнь, в которой перемешалось все: идеология, внучка, приводящая в беспорядок его биологический ритм, инстинкты, ощущение драматичности бытия, невестка, живущая словно в противоположном конце Вселенной, хотя на самом деле — в противоположном доме.

— Марчелло, вы не будете возражать, если я начну наше интервью с обычного вопроса о содержании фильма и о том, как вы работали над образом своего героя?

— Буду. Что мне вам сказать, когда мне уже сорок лет задают одни и те же вопросы, на которые я даю одни и те же ответы. О чем можно спросить актера? Круг предметов ограничен. Но я не только актер, я еще и человек. Спросите меня, как я живу.

— А я все-таки спрошу вас о том, как вы ощущали себя в этой истории, где вы одновременно отец, дедушка и коммунист.

— Когда я прочитал сценарий, то очень засомневался в способности выразить мир этого человека, почувствовать его личность. Она меня попросту приводила в смущение. Я человек совсем другой культуры. Но позднее я подумал о том, что актер часто «лжет»: играет образованного, когда сам невежда, тонкую личность, когда сам груб.

— Мне показалось, что у вашего героя отсутствует некая особенная любительская наивность по отношению к жизни, характерная и для других воплощенных вами в кино образов, хотя сами по себе они, конечно, разные.

— Только до некоторой степени. Профессор Бруски — сухой, академичный человек. В фильме он постепенно утрачивает не столько веру в свои принципы и идеалы, сколько возможности к вере. Не наивно ли это?

— У вас есть среди друзей или знакомых кто-либо, похожий на Бруски?

— Нет и никогда не было.

— Насколько нов для вас этот тип интеллигента?

— Я работал со многими «левыми» режиссерами, и хотя среди моих друзей нет таких людей, как Бруски, мне знаком этот тип, поскольку довольно долгое время меня окружала действительность, к которой принадлежит мой герой. Когда мы делали пробную съемку, я спросил, могу ли я вложить в роль немного от моего знакомо-

Марчелло
МАСТРОЯНИНИ,
актер.

го Паоло Сприани, отличающегося левизной взглядов. Я познакомился с ним давно, очарованный его легкомыслием. На самом деле, если бы я встретил Бруски, всегда внимательного в подборе слов и одежды, наверняка почувствовал бы себя неловко. Все мои друзья, даже левые, в конце концов выказывают некую скрытую «шалость», а у Бруски этого нет.

— Проблема конфликта поколений — одна из основных тем фильма. Как вам работает с «молодежью»? Ведь до этой картины Франческа Аркибуджи вы снялись в главной роли у другого молодого

режиссера — Джузеппе Торнаторе в «У них все хорошо».

— Вы знаете, я не из тех неискренних стариков, которые восклицают по любому поводу «Да здравствует молодежь!». Существование молодых для пожилых людей вроде меня — это постоянное подтверждение того, что я постарел. Но это вовсе не означает, что я не получил удовольствия, работая с Аркибуджи.

— Значит ли это, что не было за время вашей совместной работы такого момента, когда вы бы смотрели на Франческу с высоты своей славы и опыта?

— Нет, конечно. Иногда, возможно, я и был несколько нетерпим, когда она уж слишком беспокоилась за меня. Например, в одной сцене я поднимаюсь по лестнице, и Франческа не захотела делать еще один дубль, увидев, что я тяжело дышу. Я очень надеюсь, что ей было приятно работать со мной (вне площадки мы не очень часто разговаривали), и что я не вел себя как звезда. Откровенно говоря, я немного боялся этого до начала съемок. Знаете, наверное, — «прибытие известного пожилого актера»... Мне это очень не нравится.

— А что нравится?

— Мне? Снимать кино так, как будто строишь кемпинг понарошку. По-детски. Кто-то ставит палатки, кто-то идет за водой или разводит костер. В этом смысле мне очень нравится работать с Моничелли, который только придет на площадку — сразу посылает кого-то разузнать о приличных ресторанах поблизости. Для этой игры «в кемпинг» мне подходит любое место, кроме Рима.

— Вам плохо живется в Риме?

— Очень плохо. Поэтому убедил Этторе Скола снимать фильм «Который час?» не в Риме, а в маленьком городке Чивита-веккья.

— Не кажется ли вам, что иногда снимать кино очень скучное дело? Часами ждать, когда установят свет...

— Кажется. Но это так успокаивает. Все вокруг вежливо и мягко заботится о тебе, сидишь без дела, а если ты, не дай Бог, в плохом настроении, то просто готовый расшибиться в лепешку. Я ненавижу людей, которые говорят о кино как о «страшно-тяжелом труде»: города становятся шумнее, политика — грязнее, телевизор — отвратительнее, а вокруг тебя стоит эта удивительная и прекрасная ширма — фильм, в воображаемом мире которого ты живешь. Разве можно быть настолько лицемерным, чтобы жаловаться на это?

Марио СЕСТИ,
журнал «Эспрессо».

Перевод с итальянского
Габриеллы да РОЛД.